Марина Болдова

семейный детектив

БЕСПЛАТНЫЙ ТУР В ОДИН КОНЕЦ

Иногда фамильные тайны несут в себе и проклятие, и благословение

Марина Владимировна Болдова

Бесплатный тур в один конец

Серия «Семейный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74678836
ISBN 978-5-17-190855-3

Аннотация

Майор Следственного комитета Лев Половцев меньше всего ожидал встретить в уличной толпе Александру Латынину – свою первую любовь, бесследно исчезнувшую пятнадцать лет назад. Но после того, как он ее окликнул, Алекса в панике бросилась в подземный переход метро, а через несколько минут погибла под колесами прибывающего поезда. Случайность? Или жестокая расправа? Лев, переживающий личную трагедию – медленное угасание смертельно больного отца, не может остаться в стороне от расследования. Вместе с коллегой Маргаритой Уваровой он начинает распутывать преступление, в котором замешаны бывший муж Алексы, его новая подруга и загадочный риелтор. У каждого подозреваемого есть свой мотив, а разгадка тянется к давнему преступлению, в котором замешаны предки Александры Латыниной и самого Половцева. Кто стоит за гибелью Алексы, и какую цену придется заплатить самому Льву, чтобы наконец узнать правду?

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 20
Глава 3 34
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Марина Болдова
Бесплатный тур в один конец

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Болдова М., 2026
© ООО «Издательство «АСТ», 2026

* * *

Глава 1

– Алекса! Сашка! Латынина, стой! – Лев Половцев бежал за женщиной, только что бросив авто в неположенном месте. Перемахнул не очень ловко через ограждение и, расталкивая людей, рванул к подземному переходу. Он так не бегал никогда и ни за кем! Женщина обернулась, посмотрела на него, но вместо того, чтобы притормозить, даже ускорила шаг. Да что там, когда он уже почти догнал, она вдруг рванула прочь и юркнула в толпу, спускавшуюся в подземный переход. «И не обернулась! Что за детский сад!» – возмутился Половцев, замирая у верхней ступени.

В том, что он из окошка своего авто узрел ее, свою бывшую подругу Александру Латынину, Лев не сомневался. Да и не изменилась она за… сколько? Без сомнений, пятнадцать лет уже прошло! Кстати, а почему не изменилась-то?! Он вот постарел к тридцати пяти годам, нет – возмужал, окреп телом, то есть – поправился слегка, залысины на голове появились, как однажды бесхитростно заметила сестра Ольга. А Сашка Латынина, значит, девочка-студентка, такой и запомнил, такую и сейчас узрел! Куртенка до талии, джинсики, фигурка подростка почти без попы и без других выпуклостей. И, кажется, что и очки те же, что и носила в универе. Опытный взгляд следователя Половцева отметил лишь одну деталь, которая показалась… странной – почему шуба у Ла-

тыниной в руках, а не на ней? Пестрая такая, из разноцветных кусочков, кто такие носит? Он не видел никогда! А на улице мороз минус двадцать!

Половцев расстроился. Он, законник, ради давней подруги сейчас трижды нарушил закон: перестроился из ряда в ряд, подрезав автобус, бросил авто не там, где можно, перелез через ограждение, потому что боялся, что пока будет его обходить, Алексу упустит. И она вновь пропадет на… – надцать лет. Не догнал…

Лев вернулся к машине, сел за руль, включил аварийку и попытался осмыслить два вопроса – почему он, майор Половцев, погнался за этим «призраком» из молодости, и почему «призрак» от него сбежал? Первое действие еще можно было бы как-то объяснить сиюминутно возникшим любопытством – какая она теперь, Алекса? Чем живет и как? Или засевшим занозой где-то глубоко в душе вопросом – почему тогда, давно, сбежала из города? От него ли, или по какой другой причине? И, главное – куда? Он искал! Этот вопрос, пожалуй, стал бы главным, остановись она. Но нет, глянула, узнала и тут же кинулась прочь. Вопрос – зачем ей понадобилось от него когти рвать? Он-то – полицейский, но не преступница же она?!

«Забей! А то опоздаешь!» – приказал себе Половцев, так и не найдя ответа. Сев в машину, он не сразу выключил аварийку, нахлынули вдруг воспоминания, вновь змеиным укусом отозвалась обида на Алексу, которая его… бросила! Или

он убедил себя в этом, чтобы не винить себя самого? Любила бы, не уехала бы, не сказав ни слова, – так он думал, с годами все реже вспоминая о ней. Пока не забыл совсем. А сейчас понял – не забыл, иначе с чего бы так сильно колотиться сердцу?

«Ну и бог с тобой, Латынина!» – пожелал бывшей подруге Лев и повернул ключ зажигания. Но тут его внимание привлекла девушка, выбежавшая из нутра подземного перехода. Очень красивая девушка, не заметить которую ну, просто невозможно! И сильно взволнованная. Лев тут же забыл об Александре Латыниной. Пробежав немного вперед, красотка остановилась практически у машины Половцева. Их разделяла только невысокое ограждение. Незнакомка с безумным видом все тыкала и тыкала в телефон одним пальцем. Рука дрожала, нет, обе руки, и та, в которой она сжимала телефон, тоже ходила ходуном. Красавица, находясь в крайней степени возбуждения, видимо, никак не могла набрать нужный ей номер. Половцев приоткрыл дверцу, наполовину вылез из машины.

– Девушка, вам помочь? – крикнул он.

Но та будто и не услышала. Поминая черта, боженьку и какого-то урода («вот же урод!»), красотка невидящим взглядом бегло обозревала округу и вновь утыкалась в экран мобильного. Дрожащий палец вновь терзал экран. Половцев не выдержал, окончательно вылез из машины, вновь перепрыгнул ограждение и направился к ней. Оставался шаг, когда та,

наконец, попала в нужные цифры.

– Глеб, ее больше нет! Алекса погибла! Только что! Ну, как-как?! Ты меня куда послал?! Вот там и… Кто-то ее толкнул на рельсы прямо под поезд! – со всхлипами закричала она в микрофон и вдруг протяжно заскулила.

Половцев слышал ответный мужской голос, тоже взволнованный, надрывный, который приказывал ей стоять, где стоит, не двигаться и ждать, и вдруг резко оборвался на неоконченной фразе. Потому что красотка, как оказалось, отключилась от разговора, со страхом глядя на него, Льва. Только сейчас заметила! Половцев неожиданно для себя схватил ее за рукав светлого пальто и потащил к своей машине. В обход – не лезть же и ей через ограждение! Незнакомка не сопротивлялась, безвольно перебирая ногами в черных ботильонах на высоком каблуке, только все повторяла, что она не виновата. Лев буквально запихнул ее на пассажирское сиденье и, хлопнув дверцей, побежал к своему, водительскому. Все действия заняли меньше минуты, он щелкнул брелоком сигнализации, запирая машину, достал из кармана удостоверение и раскрыл его перед девушкой. Та лишь бросила на корочки осторожный взгляд и тут же посмотрела прямо на Половцева. Он вдруг замер, ошеломленный необычным цветом радужки, он даже не знал, какой это цвет, определить, наверное, помог бы художник, профессионал. Темно-синее с фиолетовым оттенком кольцо обрамляло черный, суженый почти в точку, зрачок. Оно, это кольцо, затягивало в бездну,

страшно-загадочную в своей этой глубокой синеве. Художника рядом не было, а он, Половцев – просто майор, следователь СК, хотя и старший. Нет, не разобраться ему…

Шумно вдохнув и выдохнув, Лев энергично тряхнул головой, словно возвращаясь из этой синей бездны на твердую землю.

– Фамилия погибшей Латынина? Александра Латынина? – сурово спросил он.

– Яворская, – почти что прошептала незнакомка.

Он тут же вздохнул с облегчением, ну, конечно же, с чего вдруг? Мало ли кто называет Сашек Алексами, хоть мужское имя бери, хоть женское. Уф, пронесло…

– Латынина – девичья фамилия Алексы, – услышал он сразу после и чертыхнулся. Нет, не пронесло. Погибла именно Сашка. И, если б он ее догнал… то… что было бы? Или наоборот, не случилось бы чего? Смерти ее не случилось бы, вот чего!

– Вы кто ей? – спохватился он. Прозвучало грубо и с угрозой, он вновь, но уже про себя, чертыхнулся.

– Никто. То есть, я… в общем, я – будущая жена ее бывшего мужа Глеба Яворского, – с долей кокетства произнесла красавица.

«Яворский, Яворский… Глеб … Это тот самый, что ли?! Сашка была его женой?! Обалдеть!» – Льва словно окатили ледяной водой, он даже выдохнуть не мог. Ну почему именно Яворский?! Он, Половцев, да что там – весь район рабо-

тал, чтобы притянуть этого дельца хоть к чему, хоть к обналу, хоть к трафику оружия, да хоть бы к краже булки из ларька! Но ничего не вышло – неуязвим оказался Яворский, чист совестью и светел образом. Хоть икону с мужика рисуй! Половцев после очередной неудачи даже сомневаться начал – может, впрямь святой? «Как же я пропустил, что он был женат на Сашке? Когда это было?! Черт возьми, не было в его биографии Александры Латыниной, вранье какое-то нагородила эта красотка, точно вранье!» – разозлился на непонятно зачем сочиняющую небылицы якобы будущую жену Яворского.

– Ваше имя? – не менее сурово, чем минутами ранее, задал он вопрос, но на девушку не посмотрел.

– Вот паспорт. Исаева Инга Валерьевна, – смиренно ответила та, доставая из крохотной черной сумочки документ без обложки. – А вы что, знали Алексу?

– Здесь вопросы задаю я! – отчеканил Половцев и вновь чертыхнулся внутренне, вслух лишь кашлянув пару раз. «Вот же засада! С чего бы меня так… разобрало?! Красоток не видел, что ль?!» – подумал он и приказал:

– Рассказывайте, что произошло!

– Мы, то есть, я должна была… да ничего я не должна! Глеб попросил, он не успевал! Я согласилась, вот и все, а теперь… вы меня подозреваете, да? Но это не я ее толкнула, я даже подойти к ней не успела!

– Стоп! Что вы должны-не должны Яворскому? – путанно

спросил Лев.

– Ааа… Забрать у Алексы сверток. То есть, что-то такое, завернутое в пакет… и скотчем сверху.

– Это что-то, это – что конкретно? Запрещенные вещества, оружие, деньги? – приказал уточнить Половцев. Что за муть? Как можно подписываться незнамо на что? Тем более, если близко к теме Яворский… с его биографией!

– Не знаю! – с досадой воскликнула Инга Валерьевна Исаева, красавица и вообще какая-то чертовка, в присутствии которой он, Лев Половцев ведет себя так… неадекватно.

– Не было у Латыниной в руках никаких свертков и пакетов. Шуба через руку перекинута и только. А больше ничего не было, когда она в переход бежала! – выдал он с досадой и подумал: «Ох, врешь, Инга Валерьевна, выкручиваешься! Не знаешь… все тебе известно, не дура ж ты!» Следующая мысль мелькнула догадкой – сверток мог быть и под шубкой, прятала Алекса его там! От кого, спрашивается?

– Шуба?! Почему она… зачем сняла в мороз?! С ума сошла! А потом надела… Чушь какая-то! – ошалело глядя на него, произнесла Исаева.

– То есть, в метро она была уже в шубе, я правильно понял? Ничего не перепутали?

– Перепутаешь тут! Вы же ее видели, шубу! Эксклюзив!

– Так что со свертком? – гнул свое Половцев.

– Со свертком… а что? Так и я не увидела его у нее, в этом-то и дело! Я – к ней в толпу, а она вдруг руки вскинула

и – под поезд. А народу-то тьма, начало шестого, с завода авиационного толпа, все в метро! Вы же видели!

– Это Александра назначила вам встречу в метро? Вот именно в этом районе, у завода? – спросил он.

– Не мне, Глебу. Он не смог, у него… да кто ж знает, что там у него?! Может, то, а, может – это… деловой ужин, например, или совещание. Кто ж его знает, Глеба! – с отчаянием воскликнула Инга Исаева и замолчала.

– Как связаться с Яворским, скиньте мне номер телефона, по которому вы с ним только что общались! – приказал он.

– Куда? – насмешливо, как ему показалось, спросила красотка и покрутила перед его носом своим мобильным.

Половцев молча перегнулся через нее, открыл бардачок и извлек из него пачку визиток, перетянутых канцелярской резинкой. Вынул одну картонку и бросил ей на колени.

– На второй номер, первый – стационарный.

Инга Валерьевна Исаева, шевеля губами, сосредоточенно выполняла его «приказ», а Лев смотрел на ее профиль и думал совсем не о погибшей Алексе Латыниной. Он думал, почему совсем молодая женщина (двухтысячного года рождения, как было указано в паспорте) так неловко обращается с мобильником? Как… старушка. Бабушка Льва вот так же тычет указательным пальцем в экран айфона, который он, внук, подарил ей на день рождения в прошлом году. И шепчет себе под нос что-то, повторяет текст или цифры, которые вводит, что ли? Ну, бабуля, понятно, человек пожилой,

соображающий не так быстро. Хотя, о ком это он? О докторе физико-математических наук Карелии Львовне Половцевой? Совсем умом тронулся… соображает бабуля уж точно быстрее и точнее его, внука. Но с гаджетом у нее дружба не срослась!

– Все, готово, – повернулась к нему Инга Валерьевна Исаева, подозреваемая или просто свидетель. Там Алекса на рельсах, а он тут расселся… с красавицей! И вообще у него выходной, и он опаздывает к бабуле на юбилей!

– Пойдемте к месту происшествия, – Лев кивнул на вход в метро.

– Не могу. Мне приказано стоять здесь! – твердо отказалась Исаева.

– Яворским приказано? – не удержался от усмешки Лев.

– Глебу нельзя перечить. Накажет, – с уважением произнесла та.

– Выпорет что ли? – расхохотался Половцев, представив тут же милую картинку – довольно крупный Яворский (плечи борца, а рост баскетболиста) изо всей мочи лупит ремнем по голой розовой попке миниатюрной девицы Исаевой.

– Нет, вы что, майор! Глеб пальцем никогда никого в жизни… да вы с чего взяли-то такое? Глупость несусветная!

– Ну, да… пальцем, может, не трогал, согласен. У него другие методы, – усмехнулся уже недобро Половцев, имея в виду, конечно же, предполагаемое «личное» кладбище врагов Яворского. Первое убийство тот совершил в двухтысяч-

ном году, будучи пятнадцатилетним подростком. И уже тогда сумел вывернуться в чистую, как рассказывал Половцеву его начальник полковник Крушинин.

– А что вы имеете в виду? Как-то странно вы о Глебе… высказались! О-ши-боч-но! – выговорила девушка по слогам. – Он максимально добрый человек. Его самое-самое наказание – молчанием. Придет домой и будет молчать весь вечер! А это… невыносимо! – чуть не со слезами добавила она.

Половцев лишь хмыкнул, явно с досады на дуру. То, что девица Исаева красива, но глупа, он уже понял. «Жаль, не мой вариант. Или не жаль? Нафиг она мне… после того, как ее Яворский оприходовал!» – подумал он, вылезая вслед за ней из машины.

Инга Валерьевна уже стояла на том самом месте, где звонила Яворскому. И озиралась по сторонам, наверняка взглядом пытаясь найти в толпе своего будущего мужа Глебушку.

С парковками у метро было туго. Точнее – никак. Это он, майор СК, может оставить машину практически у входа, а какой-то Яворский пусть топает от парковки на следующем квартале ножками! Так с долей злорадства подумал Половцев и обернулся на визг тормозов. Не самый дорогой «мерс» встал прямо за джипом Половцева и тут же нахально замигал аварийкой. Яворский вылез с водительского места, перешагнул через ограждение, прошел мимо Половцева, кивнув ему, как старому знакомому, и заспешил дальше, к девице. Или будущей жене? Неужели все-таки?

Лев стоял и наблюдал, как тот обнял красотку за плечи и подтолкнул к подземному переходу. Та что-то возбужденно лепетала, задирая голову, чтобы заглянуть ему в лицо. Но мужик смотрел только вперед.

Ни Яворский, ни его спутница, спеша вниз, на майора даже не обернулись.

* * *

Карелии Львовне было тревожно, она суетилась у накрытого стола, поправляя идеально разложенные приборы и ровные треугольники накрахмаленных собственноручно льняных салфеток. В который раз проверяя чистоту и блеск граней хрустальных фужеров под шампанское, стопочек под водку, стаканов под ситро, она не переставала думать о сыне, о его внезапно, словно из ниоткуда появившейся болезни, вполне определенно диагностировать которую смогли лишь в Израиле. Редкое орфанное заболевание ATTR-КМП, тяжелая сердечная недостаточность. Спорадическая форма, то есть, возникающая редко, от случая к случаю. Именно из-за сложности диагностики болезнь прогрессирует быстро, безжалостно сокращая остаток жизни до двух-трех лет. Симптомы возникают, как правило, после шестидесяти. Все так. Редко, незаметно… и смерть?!

Сергей ничем серьезным не болел в свои «слегка за шестьдесят», как он выражался. «Отстаньте, женщины! Я бессо-

вестно здоров! Не дождетесь!» – с шутливой угрозой говорил он ей, его матери, и дочери Ольге, когда они вдвоем набрасывались на него с упреками за лишнюю рюмку спиртного или кусок жирного окорока. И вдруг! «Это судьба так над сыном… надругалась», – решила Карелия Львовна, пытаясь вспомнить, кто в их роду так нагрешил, что Сережа расплачивается так тяжко. В неотвратимость кармы она верила свято.

Свои болячки вмиг то ли спрятались глубоко, то ли она о них перестала думать, машинально потребляя по утрам горсть пилюль, выписанных внучкой-медиком.

Сегодня Карелии Львовне исполнилось восемьдесят, она пребывала в уме здравом, завидном для многих молодых, до сих пор занималась репетиторством онлайн, сносно овладев ноутбуком, но пугаясь собственного мобильного. Почему-то казалось, что айфон – шпионский гаджет, который подсматривает, подслушивает и даже читает ее мысли. А как иначе объяснить то, что реклама приходит, направленная на ее интересы, а мошенники пытаются говорить с ней от имени ректора университета, где она проработала полсотни лет? И к тому же, небольшой экран не позволял прочесть текст целиком, потому что приходилось ставить крупный шрифт. Эти неудобства добавляли нелюбви к гаджету. Немного стыдясь такого своего отношения к телефону, Карелия Львовна старалась интересующие ее вопросы задавать в ноутбуке в поисковой строке Яндекса, так было привычнее. Таким обра-

зом она нашла информацию о болезни сына. «Мам, лучше б тебе не знать! Жила б спокойно! Сам разберусь!» – с досадой осадил ее попытки поговорить на эту тему Сергей. Ольга бессовестно поддержала отца, и теперь Карелии Львовне приходилось в одиночестве осмысливать выуженные из интернета сведения. Она прочла кучу статей на трех языках, какими владела, и чем глубже вникала в тему, тем становилось страшнее. Привычка систематизировать данные в конце концов и привела ее к неутешительному прогнозу – сын может уйти из жизни при любом очередном приступе. Слишком поздно диагностировали у него это редкое заболевание.

Единственным, кто хотя бы выслушал ее внимательно, стал внук Лев. Но поскольку к медицине он имел отношение опосредованное (частое общение с патологоанатомом по долгу службы плюс сестра-медик), то, выслушав бабушку, отправился за разъяснениями к Ольге. Что та ему поведала за пять минут общения на кухне, куда они удалились, Карелия Львовна так и не узнала. Но Левушка вышел оттуда растерянным, а произнес всего одну фразу: «Ты права, ба… папа умирает».

Поэтому и осталось ей только думать о том, кто виноват? Чьи деяния мирские наслали на род проклятую болезнь? Вслух она свои мысли высказать никак не могла – все ее семейство было стойко неверующим ни в бога, ни в колдовские силы, ни в судьбу. Да она и сама пришла к пониманию не так давно и не без посторонней помощи.

Карелия Львовна посмотрела на часы – через какие-то полчаса начнут прибывать гости. И первым, как всегда, приедет внук Левушка.

– Клаша, у нас все готово? – уже в сотый, наверное, раз спросила она свою помощницу по хозяйству.

– Утка в духовке дозревает, Карелия Львовна. Закуски расставлять? Иль рано?

– Пожалуй, уже можно.

– Вы бы присели, с утра на ногах.

– Ты права, Клаша, у меня есть минут двадцать, посижу. Что-то неспокойно мне.

– Так оно понятно, дата такая… волнительная. Вот бы дожить так и мне, в уме, да в памяти и на своих ногах! Да куда там, в роду умирали все рано, и не от болезней, а по несчастному случаю. Как проклятье какое! – Клавдия говорила, бегая из кухни в гостиную и обратно. – Ну, все, вроде последнее блюдо… – Она оглядела стол. – Какая у вас, Карелия Львовна, посуда красивая, все не налюбуюсь! Я такую в наших магазинах не встречала. Германская?

– Мейсенский фарфор, – рассеянно ответила Карелия Львовна и прислушалась. – Клаша, принеси телефон скорее, он в спальне! – воскликнула она, чувствуя, как замерло на миг и застучало неровно сердце в предчувствии беды.

Клавдия уже и сама спешила из спальни с поющим мобильным.

– Да, слушаю, Оленька… боже… Хорошо, я поняла тебя,

детка.

Она молчала, невидяще глядя на Клавдию и пытаясь отдышаться. Беда пришла к праздничному столу, как не вовремя! А когда было бы вовремя?!

– Карелия Львовна, да не молчите вы! – тронула ее за плечо Клавдия. – Случилось что? С Сергеем?

– Он жив, Клаша, но его срочно госпитализировали. Принеси пальто и обувь, я еду в клинику.

– Что ж вы так расстроились, не умер же!

– Клаша! – с горечью воскликнула Карелия Львовна. – Поторопись! Олюшка заказала таксомотор, скоро уже подъедет, а я не готова.

Она вышла в прихожую уже одетая, с сумочкой в руках. Ждать в квартире, решила она, смысла нет, нужно потихоньку спускаться.

– Стоит мотор ваш у подъезда, – Клавдия выглянула из окна кухни.

– А267 ЕР? – назвала Карелия Львовна номер, который скинула ей в сообщении Ольга, а она его легко запомнила.

– Оно. Я вас провожу до машины, мало ли…

У нее не было сил спорить, Карелия Львовна лишь кивнула.

Глава 2

Лев не успел спуститься в подземный переход, в кармане куртки завибрировал мобильный. После недавнего разговора с Ольгой у бабушки на кухне он был готов к этому… но, оказалось, нет, какая, к лешему, готовность? Сестра, коротко приказав поторопиться, только вздохнула протяжно и, как в детстве, добавила: «Левка, остаешься за главного!». Смысл был понятен им двоим и отцу – тот, отправляясь в очередную экспедицию и оставляя их, подростков, с бабушкой и матерью надолго, говорил так ему, самому младшему в семье. Только однажды объяснив, что Лев – мужчина, а мама, бабушка и сестра – девочки, он на него, тогда десятилетнего, возложил ответственность за них. Вот так легко и… пожизненно. Конечно, в его, отца, отсутствие.

Лев бросил взгляд на спуск в метро – Яворский со спутницей уже скрылись из вида. «Без меня разберутся, кто сегодня дежурит? Капитан Уварова Рита-Маргарита… хороший следователь, дотошный. А я выходной!» – думал он, возвращаясь к машине.

Что за день?! Спешил на юбилей бабушки, за красиво и вкусно накрытый стол, к приятным разговорам, искренним тостам и тонкому юмору отца, а повернулось все вот как! Нелепая смерть давно забытой подруги, знакомство с красоткой Исаевой и под конец «явление» – Яворский. Льву бы

сейчас – вниз, на помощь Маргарите, но он должен спешить в клинику к умирающему отцу. Или же он все-таки не так понял Ольгу? И есть надежда?

«Расскажи богу о своих планах», – с горечью подумал Половцев, отодвигая мысли о Латыниной на задний план. Но, садясь в машину, все же отметил с легкой злостью, что некоторым закон не писан: топтавшийся возле метро дорожный патруль в сторону «скромного мерса» даже не смотрел. «Наверняка уже сунул в жадные лапы!» – недобро усмехнулся Половцев, имея в виду Яворского и полицейских.

Он вырулил на дорогу и, предвидя пробку у оптового рынка, поставил на крышу мигалку. Так, с ярким синим маяком, он проскочил плотный автомобильный поток. К клинике Седина он подъехал все так же с мигалкой, и – о, чудо, нашлось парковочное место почти рядом с ярко-красным «Матизом» сестры Ольги. Бегло оглядев стоянку, Лев обнаружил и белую «Тойоту» матери с «красивым» номером с тремя пятерками.

Мамой Анджелу Половцеву они с сестрой называли редко, пожалуй, лишь в раннем детстве. Лет с двенадцати Лев вслед за Ольгой стал обращаться к ней по имени. И матери это заметно нравилось, особенно, если это случалось на людях. Это стало своеобразной игрой, и у незнакомцев не возникало ни тени сомнений, что не мать она им, а старшая сестра. Анджела детей своих не воспитывала, позволяя де-

лать все, что хотят. Но удивительным было то, что и Ольга, и Лев не имели никакой тяги к запретному, поэтому, с точки зрения окружающих были детьми идеальными, то есть, беспроблемными и почитающими старших. На самом деле сепарация от взрослых произошла у брата с сестрой рано – Ольга сама по себе росла серьезной, а Лев… Льва сделал таким отец, доверяя ему «девочек». Его частые командировки, экспедиции, отсутствие нянек (бабушка, сколько Лев помнил, пропадала в университете), безалаберная мать, тоже требующая присмотра (дома бывавшая набегами) и погрузившаяся в учебу сестра не оставили ему выбора: Лев понимал, что «сдав ему на руки» трех «девиц», отец, вернувшись, потребует отчета. Единственной зоной его «безответственности» было питание: готовкой еды и уборкой кухни занималась соседка по подъезду, тогда – средних лет мать-одиночка Клаша, ныне уже пожилая, но все еще крепкая женщина, домашняя помощница Клавдия.

К матери и сейчас у детей было отношение, как к заблудшей душе – снисходительное и небрежное. Отец же, к удивлению Льва, по-своему любил Анджелу. Как подозревал сын, совсем не как женщину, скорее, как старшего ребенка. Самого неудачного, неприкаянного и недалекого умом. Лев както пытался обсудить тему с бабушкой, но на свои вопросы получил странный ответ. «Это я виновата, Левушка, так воспитала сына, что бросить женщину, родившую ему детей, он не может. Да, Анджела не идеальная жена, но, поверь,

папе твоему она не изменяет. Просто скучна ей семейная жизнь, мозгами она – подросток, застрявший в пубертате. Без стержня, идей и целей в жизни. Но мама ваша не так плоха, душа у нее добрая, девочка она ласковая, не пакостная, папе и тебе с Оленькой преданная. Не нужно ее осуждать, Левушка, обиженных богом не судят люди». – «Да чем она обижена, ба?! У нее все есть!» – возмутился Лев. – «Так умом же, внук! Это ли не беда?» – немного удивляясь его недогадливости, ответила тогда проректор университета Карелия Львовна Половцева. Лев мало что понял. Дошло, когда женился вот на такой же дурочке, как Анджела. Слету женился, точнее – по залету, когда стало ясно, что расстался с умницей Александрой Латыниной навсегда. Не по своей воле расстался, не по своей воле женился…

Половцев вошел в холл отделения интенсивной терапии не сразу, отдышавшись несколько секунд возле матовых стеклянных дверей, за которыми хаотично двигались два женских силуэта.

– Что-то изменилось? – вместо приветствия спросил он Ольгу, та отрицательно мотнула головой. Лев поцеловал мать в висок, отметив, что глаза у той заплаканные, а под нижними веками – синие полукружья. Прямо темно-синие, переходящие к носу в черноту. Пожалуй, такой он ее видел впервые. Жалость накрыла неожиданно, и он одним цепким движением крепко прижал ее к себе. Праздничная, молочного цвета рубашка, которую он надел, торопясь на юбилей к

бабушке, быстро намокла от слез матери. Лев, опять же впервые, под сжатыми ладонями ощутил вдруг худобу родившей его женщины, почти невесомость плоти, трогательную хрупкость и чуть не заплакал сам, как будто терял он в этот момент не только отца, но и ее.

– Левушка, он умирает, понимаешь? И нет никакой надежды, ни-ка-кой! Остались часы… а, может, и минуты! – мать смотрела на него, словно спрашивая, может, ошиблись?

– Почему к нему не пускают? Оля? – отвел взгляд Половецев.

– Папа ждет бабушку. Он с ума сошел, Левка. Наш отец все время твердит, что не хочет видеть ни Анджелу, ни нас с тобой, только свою мать. А как же мы?! – Ольга едва сдерживала слезы.

– Этому должна быть причина, – твердо заявил Лев. – Бабушка едет?

– Да, должна быть с минуты на минуту. Я вызвала ей такси, – Ольга включила телефон. – Подъезжает. Все, она у ворот… нет, такси движется ко входу, видимо, пропустили на территорию. Побегу, встречу. Мать успокой!

Лев ничего не ответил. Мать уже тихо сидела на стуле, сгорбившись и положив руки на колени. Он отошел к окну, оно выходило на главный вход в корпус. Ольга с бабушкой как раз зашли внутрь. Вернувшись к палате, где лежал отец, он тихонько приоткрыл дверь, но увидел лишь полную женскую спину в голубом халате. Он тут же ретировался.

Лев подумал, что беда не приходит одна. Получается, гибель Алексы для него – беда? И теперь он теряет отца. В душе жила надежда, что он выкарабкается, не может он кинуть вот так «девочек» на него, постоянно занятого следователя СК. У Льва и времени-то нет… присматривать за кем-то, только на быстрый завтрак и поздний ужин, да на шестичасовой сон, если повезет, куда ему следить за «девочками»! Нет, без отца, оставившего дела, ему не справиться никак!

– Левушка, здравствуй, дорогой, – бабушка едва коснулась щеки внука, а Лев даже вздрогнул, такими холодными оказались ее губы. – Анджела, не реви, как по покойнику, твои слезы мужу не помогут. Молодцы, что не сказали папе, насколько все плохо. Пока молчим. Ну, с богом, я пошла…

Лев смотрел, как вмиг изменилась бабушка – расправила плечи в накинутом больничном халате, пригладила ладонями и так безупречно гладко зачесанные волосы, зачем-то покусала губы и похлопала себя по щекам ладонями. И… на глазах сбросила десяток лет. «Современным женщинам нужно наложить на себя килограммы косметики, чтобы визуально сократить возраст. А тут… магия какая-то!» – подумал Лев, открывая перед бабушкой дверь палаты.

– Ты думаешь, отец не догадывается? – спросил он Ольгу, имея в виду прогнозы медиков.

– Не знаю, Левка, я перед папой делаю вид, что это очередной приступ, не более того. Но Миша Ларин, когда я с ним говорила, выразился однозначно – будьте готовы. А он,

на минуточку, главврач кардиоцентра. Кроме того, консилиум…

– Значит, конец… – перебил Лев сестру, у которой от набежавших слез заблестели глаза. – Оль, помнишь Сашку Латынину? – решил он немного отвлечь ее.

– Мне б ее не помнить! Ты же шальной ходил от любви, а я служила тебе жилеткой, потому что эта девица тебя отшивала раз за разом. До сих пор не понимаю, как ты ее уломал? Позже, когда вы расстались, я даже пожалела – столько времени на нее потрачено было! Почему вдруг вспомнил Алексу? Встретились?

Он рассказал Ольге, как произошла эта встреча – не встреча, а игра в догонялки, а сам, пока говорил, лишь утвердился в мысли – нечисто что-то с Алексой, и причина тому ее связь с Яворским. Ну, пусть не связь, замужество, хотя черт побери, когда же это случилось?! Почему он, майор Половцев, об этом факте понятия не имел? Или Исаева Инга что-то попутала? Возможно, брак был, как говорят, гражданским. Да какой это, к лешему, брак! Фикция…

– И что ты думаешь по этому поводу? – задала вопрос Ольга, когда он закончил свое повествование на эмоциональной ноте – мол, чего бежала-то Алекса от него?!

– Думаю, если труп криминальный, дело попадет к нам, район наш. А там посмотрим.

– Я не об этом. У тебя совсем никаких мыслей нет, почему Алексаа от тебя и раньше шарахалась, и сейчас сбежала в

панике? Что ты, братец, такого натворил с ней?

– Я?! – Лев в изумлении уставился на сестру. – Да я ее пальцем…, то есть, была у нас один раз… близость, но без страсти с ее стороны.

– Это как?!

– Как… не оттолкнула, вот как. Как милостыню подала. Да она официально моей девушкой была всего восемь месяцев. Сейчас думаю, а только ли моей? Если уехала и так легко забыла?

– Подожди, куда уехала? Из города?

– Да. После того, как я привел ее к нам на ужин первого сентября. Ты была на практике в области, поэтому не помнишь. После этого все закончилось.

– Что – все? Куда Латынина делась из твоей жизни? Да так, что ты о ней говорить отказывался… аж до сегодняшнего дня!

Лев смешался. Потому что объяснений он дать не мог, сколько бы не пыжился, чтобы выгородить… мать и отца! Но и обвинять их он тоже не мог, потому что мать выставила Алексу из дома, но не из города. Из города та уехала сама… Или руку приложил отец!

– Нет, Левка, так не пойдет. Начал – говори! Что у вас произошло в тот день? Родители пригласили твою девушку на ужин. Ведь, они пригласили? Чтобы познакомиться? Они знали, кто она? Я-то Алексу до этого хотя бы на фото видела, а они?

– Отец только из экспедиции вернулся. Он знал, что у меня есть девушка. А мать… что ты, ее не знаешь? Ей всегда было все равно, чем мы живем. Это я настоял на знакомстве, потому что собирался на Алексе жениться. Не усмехайся, я был уверен! Привел ее к нам, совершенно не сомневаясь, что мать с отцом примут ее радушно. У нас же всех принимали с удовольствием! А тут – любимая девушка сына… Но стоило Алексе войти, как отец изменился в лице. Я заметил, заметила и мать, побледнев следом. Да, я испугался. Но Алекса словно пребывала в нирване, у нее был какой-то отсутствующий взгляд, она даже улыбалась явно чему-то своему, но не родителям. Ладно, сели за стол. Ужин «скомкался» в молчаливое поглощение салатов и жаркого, к вину Алекса не притронулась, зато неожиданно напился отец. Когда стало заметно, что слова он выговаривает с трудом, мать попросила меня отвести его в спальню. Последняя фраза, которую пьяный попочка произнес, прежде, чем уткнуться носом в подушку и захрапеть, была короткой, но емкой: «Что б я эту… с… рядом с тобой больше не видел, понял?!» Я лишь кивнул почти бесчувственному телу, тихо выскользнул из комнаты и вернулся к столу. Алекса стояла у консоли, над которой развешаны фотопортреты наших предков и, близоруко щурясь, всматривалась в лица. На мое появление за спиной никак не отреагировала, но тут же обернулась на голос матери. Та ее выгнала, Оль! Дебильной фразой «не пора ли вам домой». Я прямо остолбенел от такого хамства, но Алекса равнодуш-

но кивнула и направилась в прихожую. Я поплелся ее провожать, что-то лепетал, пытаясь оправдаться. Но она отстраненно молчала. Я ничего не понял: вроде бы даже не обиделась, а у меня создалось впечатление, будто точку поставила. Жирную точку в конце наших отношений. Я был уверен, что все, алес! Но на следующий день Алекса, как ни в чем не бывало, поцеловала меня при встрече. А потом вдруг стала избегать. Вроде бы не нарочно, так выходило, мы же в разных группах учились. Я решил дать ей время, чтобы определиться, что ли… Чтобы поняла – нужен я ей или как? А она вскоре уехала. Ничего не сказав! Как я понял, навсегда, потому что забрала документы из универа и выписалась из общаги. Больше я ее не видел. Обидно, не находишь?

– Отец объяснил тебе свое поведение? А мать? Нет? До сих пор?! И ты, как телок, послушался отца, не попытался выяснить причины его странного поступка и забыл любимую девушку? Силен, братец!

– Ты знаешь папу, не захочет – слова не скажет. Я должен был его пытать, что ли?

– Настаивать, Лева! Я бы так не смогла, как ты, уж прости. Скажу истину – за любовь бороться нужно, – Ольга смотрела на него с удивлением, а ему вдруг стало не по себе. Да не боролся он, что ли? Почти два года ходил за Алексрй, как охрана бесплатная. Никого к ней не подпускал! Из дома в шесть утра выезжал, чтобы забрать из общаги. На стареньком отцовском «Москвиче», подаренном к поступлению в

университет. Вез на лекции, если пары не совпадали – ждал окончания, караулил у выхода. Звал в кино, просил бабушку достать билеты в драму, потому что знал, что Алекса такая несовременная, что на концерт модных рэперов не заманишь, а в театр – отказаться не сможет. Когда, наконец, она сдалась, «пустила в душу», как выразилась сама, он вдруг успокоился. Лев помнил это свое состояние – поверил ей сразу, застолбил место возле нее, и образовался только их мирок, в котором обоим было комфортно. Он был уверен, что это на всю жизнь, иначе не могло быть. И эта его уверенность его же и подвела. Расслабился, даже в тот день, первого сентября две тысячи десятого года, вел Алексу на ужин домой, чтобы объявить ее своей невестой. Начитался, блин, романов…

– Эй, о чем думаешь? – Ольга тронула его за плечо, заодно поправив сползший больничный халат.

– Да… так, вспомнил. Ты говоришь, бороться… Одно могу сказать – если б Алекса не сбежала, мы были бы вместе, и это – точно.

– Как же ты отпустил?!

– Так получилось, Оль. Думал, что проверю ее, что ли… любовь ее ко мне. Держался на расстоянии, наблюдал, ждал, когда сама подойдет, хоть спросит – почему я такой… как сказать…

– Холодный? – насмешливо подсказала Ольга. – Ну да, эго взыграло, особь ты надутая! А когда терпение закончилось,

Алекса вдруг исчезла, так?

– Я же не думал, что она уедет, да еще неизвестно куда! Я же звонил ее тетке, даже помню, как ту звали – Агафья Феофановна, прикинь, имечко! Куда Алекса могла поехать, как не к ней?

– Что девушке в глухом селе было делать, не подумал?

– Не подумал!

– Так что тетка сказала?

– Умерла уже тетка, какая-то женщина трубку сняла. Телефон оказался стационарным, в школьной учительской. Двадцать первый век, десятый год, а связь только в школе и администрации, представляешь?

– Значит, Алекса в селе не объявлялась?

– Нет. Я убедил себя, что она меня бросила, а, значит – никакой любви не было.

– Удобно, правда? Кстати, а почему ты решил, что она тогда совсем из города уехала?

– Подружка ее по комнате в общаге якобы видела билет на самолет. Но конечный пункт, опять же – якобы, не успела подсмотреть. Я поначалу был уверен, что соврала, сто пудов! Но в деканате секретарь подтвердила, что Латынина собиралась вернуться домой. А сегодня я подумал – а уезжала ли? Или жила где-то, а потом вернулась. Зачем? И не спросишь!

– Ладно, Левка, что теперь… Жаль Александру, слов нет. Для тебя эта история не скоро закончится, если ее смерть не случайна. Вот что… Спроси отца сегодня, что за причина

такого отношения к Алексе. Дело давнее, может и ответит… перед смертью…

– Ты цинична, Оль, – с удивлением заметил Лев.

– Я – медик. В отличие от вас я давно была готова, что он может уйти в любой момент. Считай, самую сильную боль уже пережила, – невесело усмехнулась она.

– А как же чудо? – без надежды на ответ спросил Лев.

– Чудо в медицине – явление редкое. Бывает, но не в нашем случае. Смотри, бабушка выходит. Вот ее мы еще можем поддержать, время есть, – сказала Ольга. Она подхватила бабушку под локоть и усадила на стул.

Лев увидел, как мать зашла в палату и тут же вышла обратно.

– Лева, папа ждет тебя, а не меня, – пролепетала она.

Закрывая за собой дверь палаты, он уже знал, какие слова услышит от отца. Да, теперь он, Лев, отвечает за «девочек». А также он знал, что ни о чем его спрашивать не станет. Какая теперь разница, почему отец когда-то запретил встречаться с Латыниной? Ольга права – удобно было думать, что Алекса его бросила. Лелеял, баюкал свою обиду, а нужно было в тот же день ей сказать, что плевать ему на капризы отца, потому что жить ей с ним, Львом. Наследников плодить, карьеру строить. Уехать можно было бы вместе… Можно было… тогда! Теперь Алекса мертва. Ее нет. Ее нет уже давно в его, Льва Половцева, жизни. Только почему-то ревниво мучает один вопрос – как Александра Латы-

нина оказалась замужем за Яворским? Как она попала в тот круг, куда нет доступа простым смертным? Сирота без роду, без племени, воспитанная деревенской теткой. Девушка, обладающая заурядной внешностью: небольшой курносый носик, усыпанным веснушками, на котором почему-то всегда криво сидели круглые очки. Глаза, увеличенные линзами с диоптриями, ни бровей толком, ни ресниц – такие они белесые, и единственное яркое пятно – губы. Далекая от модельной фигура, рост чуть больше полутора метров и мечтательный, нет – рассеянный, а со стороны глядя – на грани легкой придурковатости, характер. Рядом с такой брутальной и по-мужски яркой особью, как Глеб Яворский, Алекса – серая мышь. Серее не бывает. В нее можно только влюбиться сдуру, как он, Половцев, когда-то. Ни за что любить, просто так. И восхищаться. Потому что умом Алекса Яворского наверняка превосходит. Превосходила. Как, впрочем, и его, Льва. Не было у них на потоке в универе студента умнее Александры Латыниной, не было…

Глава 3

Глеб вел Ингу за руку сквозь толпу, тащил, словно ребенка. Он торопился, хотя опять опоздал. Он обычно опаздывал, отставал на шаг-другой, когда дело касалось Алексы. Но так фатально – никогда.

Теплилась надежда, что Инга что-то напутала, что поезд успел затормозить, или вообще это не Алекса упала на рельсы. А, если и она упала, то осталась жива. Она не может вот так уйти, когда такие непонятки вокруг них! Они вместе только что подобрались к разгадке, как он теперь один?! Или он один остался, потому что так близко подобрались? Тогда почему не его, гендиректора убрали, а ее?

Они уже ехали на эскалаторе вниз, Инга на ступеньку ниже. Глеб видел густую людскую массу, скопившуюся в середине платформы. Масса была темно-серой, очень подвижной, колыхалась возбужденно, становясь все плотнее к центру. К тому самому месту, где Алекса назначила встречу, чтобы передать ему какой-то сверток, обмотанный скотчем. Он даже не спросил – что в нем, потому что был уверен, что там документы к последней сделке. Сейчас подумал – зачем просила спрятать в сейф до завтра? Может быть, он ошибается, и там подарок ему, Глебу, к католическому рождеству? Алекса одна знала, что крещен он был в костеле Святой Терезы в Вильнюсе! Или еще что-то, только ее, Алексы, лич-

ное? Ни одного вопроса не задал, коротко ответил, что заберет. Занят был, люди сидели у него важные, что б им! А нужно было расспросить, поговорить с ней, то ли возбужденной, то ли испуганной, потом оставить этих… людей! И самому рвануть в подземку, а не посылать эту пустоголовую гусыню Ингу. Которая теперь лепечет черт знает что – толкнули Алексу, не толкнули… видела или не видела…

Он боялся верить, что случилось страшное. Пока сам не убедится, что сделать уже ничего нельзя… Сам, черт побери!

– Глеб, там уже полиция! – услышал он громкий возглас Инги и наклонился к ней.

– Не ори! Вижу! – он уже и сам заметил людей в форме по периметру натянутой сигнальной ленты, возле которой и кучковался народ. Из массы подвижных голов торчали руки с телефонами. «Падаль! Папарацци недоделанные!» – зло обозвал владельцев гаджетов Яворский, люто ненавидевший мелких безграмотных «писак» всех мастей. Глеб обошел Ингу, шагнул с эскалатора, сдернул ее за собой и направился прямо в гущу толпы. Он молча отодвигал со своего пути людей, его безропотно пропускали, следом – Ингу. Таранил толпу до тех пор, пока не уперся в спину, обтянутую форменной курткой с надписью «Полиция».

– Позовите старшего, – приказал он спине, а когда полицейский обернулся, добавил: – Я привел свидетеля.

Глеб выставил перед собой перепуганную Ингу.

Полицейский кивнул и что-то сказал в рацию. Потом од-

ной рукой приподнял полосатую ленту.

– Проходите. Женщина в темном пальто – следователь СК капитан Уварова Маргарита Павловна, вам к ней.

– Спасибо.

Оставалось пройти несколько метров, как вдруг он почувствовал, что в его ладони нет больше руки Инги. Глеб оглянулся – та стояла, прислонившись спиной к колонне и с ужасом смотрела в сторону поезда. Он невольно повернул голову туда же, но обзор загораживали стоявшие у края платформы люди в форме и в штатском.

– Пошли! – приказал он, понимая, что Инга вот-вот дернется обратно за ленту. Чего испугалась? Видела же Алексу там, сама призналась. Глеб задумался. Пока спускались ко входу в метро, Инга трещала, не умолкая. Он не перебивал, слушал. Почти не вникая, потому что была надежда, что Алекса жива. А все ли случилось так, как говорила Инга? Видела она Алексу или все же нет? А мужика в светлой куртке? С бородой, в солнечных очках! Это в подземке! На черта они ему здесь, очки?! Сказала, что тот пошел прочь к эскалатору. А Инга за ним следила, за этой белой курткой, до тех пор, пока тот на эскалаторе поднимался на поверхность. А потом упустила! Как?! Если ехал он всего на три ступени выше ее? Он побежал, а она почему не рванула за ним? Почему дежурному в будке ничего не сказала? Вызов охраны одной кнопкой! Задержали бы до выяснения.

Глеб смотрел на Ингу, колонну за ее спиной, дальше… эс-

калатора видно не было из-за этой колонны! И тут его осенило – не могла Инга со ступеней эскалатора видеть, как Алексу столкнули! Платформу, тем более – ее край, не видно совсем. Значит, соврала. Зачем?! И в чем соврала?! Он пристально посмотрел на Ингу, та отвернулась.

– Инга! Очнись! – тряхнул он ее за плечи. – И расскажи, что ты видела на самом деле.

– Видела, как Алекса упала.

– С какого места ты это увидела? – терпеливо спросил Глеб.

– С эскалатора, когда еще спускалась, – еле слышно произнесла Инга.

– С самого верха? От будки дежурного? Или с середины? Не могла ты с лестницы видеть ничего, зачем врешь? Про мужика тоже неправда?

Ответить Инга ничего не успела, к ним подошла женщина в темном пальто.

– Следователь СК капитан Уварова. Вы – свидетель? – она смотрела только на Глеба. – Яворский Глеб Владимирович, не ошибаюсь?

– Да. Но свидетель не я, а она, – сделал он шаг в сторону. – Инга Валерьевна Исаева.

Глеб был удивлен. Он что, такая знаменитость среди служителей закона? Или же они раньше встречались с этой Маргаритой Павловной? Он бы запомнил! Ничего так, симпатичная, глазищи такие… только рост карликовый и полновата

на его вкус. Ему тощие нравятся… как Алекса!

– Вы знакомы с пострадавшей? – не обращая внимания на Ингу продолжала допрашивать его «глазастая». Что же, он ответит.

– Погибшая – моя жена. Бывшая. Мы месяц, как разведены.

– Инга Валерьевна, а вы кем приходитесь пострадавшей? – наконец повернулась следователь к Инге.

– Будущая жена ее мужа, вот его, – пролепетала Инга, кивнув в его сторону, а Глеб уставился на нее в изумлении. С чего взяла?! Он на ней не собирался жениться! Умом пока не тронулся!

И тут он заметил, как усмехнулась капитан Уварова. Так по-бабьи, так презрительно, мол, размечталась, девица… И эта ухмылка его взбесила.

– Вы будете допрашивать свидетеля или нет?! У нее важная информация! – рявкнул он на женщину, не отрывая взгляда от Инги. – А ты говори по делу и только правду! – приказал он.

– Господин Яворский, вы не могли бы… отойти в сторону. А вы, Инга Валерьевна, успокойтесь и расскажите о том, что видели. А лучше начните с того, как и почему вы оказались в метро.

Глеб и не подумал уходить, но шаг в сторону сделал. Притворяться, что не слушает, не стал, еще чего! Только подумал с досадой, что нужно было вытрясти из Инги правду «на

берегу», то есть на поверхности, хоть бы и сидя в машине! Но ему и в голову не пришло, что она станет врать!

– Глеб попросил забрать у Алексы сверток, он сам не смог.

– Что за сверток? Что в нем?

– Не знаю! – Инга посмотрела в его сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.